КЛАССИКА НАУЧНОЙ МЫСЛИ

Булгаков Сергей Николаевич (1871 – 1944), русский экономист, философ, теолог. За сравнительно непродолжительное время прошел путь от атеиста до священнослужителя, от либерального экономиста до православного теолога. В 90-х гг. XIX в. был «легальным марксистом». С 1906 г. покидает почву философского идеализма и становится на почву религиозного мистицизма, называя себя «христианским социалистом».

Из этой духовной эволюции у него вытекает весьма сложное отношение к идее социализма. Полемизируя с П.Б. Струве, Булгаков высказал мысль, что социализм, как и всякий социальный идеал, логически невыводим из материалистического понимания истории. Социальный идеал и научное миропонимание – совершенно разнородные вещи. Идеал – не научная необходимость, а метафизическая и религиозная потребность. Самые глубокие истоки социализма, по мнению Булгакова, – религиозные. Социализм есть «упрощение, вырождение, даже опошление старого иудейского хилиазма». (*Булгаков, С.Н.* Два града. – Т. 2. – М., 1911. – С. 116). Отвергнув религию, марксизм сам обрел свойства религии и, хотя он в принципе и отрицает религию как буржуазную «идеологию», но сам является суррогатом религии. Марксизм имеет свою эсхатологию в учении о революции, свой земной рай в «коммунизме», свой «богоизбранный народ» – пролетариат, своего «дьявола» – капитализм, своих «мессий» – вождей, своих «мучеников за веру» позже появились и «святые», обширные «иконостасы и даже мощи», к которым сходятся «паломники» со всего света.

В христианском духе принципиально возразить против социализма не представляется возможным. Социализм лишь средство осуществления требований христианской этики. В «материалистическом социализме», сделавшим своим знаменем атеизм, Булгаков видит угрозу всему европейскому человечеству. Социализм, сведенный к поискам счастья и материального благополучия, грозит «великим угашением духа».

Опыт февраля в России выявил «мещанство» и «буржуазность» социализма, вся энергия революции оказалась направленной на перераспределение собственности, что обернулось оргиями грабежей и экспроприации.

Между февральской и октябрьской революциями 1917 г. С.Н. Булгаков издает брошюру «Христианство и социализм», в которой он далее развивает свои мысли, на наш взгляд, во многом созвучные развернувшейся дискуссии о роли и социальных функциях идеологии в современном российском обществе.

С.Н. Булгаков

ХРИСТИАНСТВО И СОЦИАЛИЗМ[1]

<…>

II
СВОБОДА ОТ ХОЗЯЙСТВА И СВОБОДА В ХОЗЯЙСТВЕ

Социализм хочет извести человечество из плена хозяйственной неволи, которая тяготеет над всем человечеством. Труд в поте лица с терниями вместо хлеба — таков удел человечества на земле проклятия. Земля стала вместо матери мачехой для человечества, и только тяжелым неусыпным трудом отстаивает оно свое существование. Жизнь превратилась в борьбу за существование, о которой настойчиво учит современная наука, в борьбу с бедностью, которая выражается в стремлении к богатству. И эта хозяйственная забота изнуряет дух человека, а хозяйственный труд напрягает его силы. Поэтому естественно возникает вопрос: нельзя ли вообще освободиться от хозяйственного плена, завоевать *свободу от хозяйства?* Этот голос звучит в человеке тем настойчивее, чем ощутительнее становится для него этот хозяйственный плен, чем тягостнее он его переживает. Именно в наши дни, когда хозяйственное овладение природой, или «производство богатств», достигло небывалых размеров, в век всеобщего *экономизма* мысли и жизни становится наиболее сильным это желание обрести хозяйственную свободу, перейдя в некоторое сверххозяйственное или внехозяйственное состояние. Эту победу над хозяйством и сулит теперь социализм, обещающий, по выражению Маркса, прыжок из царства необходимости в царство свободы.

Самую свободу от хозяйства можно представить себе, однако, двояким способом: как свободу духовную, достигаемую напряжением духовных

[1] Печатается по: *Булгаков, С.Н.* Героизм и подвижничество / сост., вступ. ст., коммент. С.М. Половинкина. – М.: Русская книга, 1992. – 528 с. – (Мыслители России). – С. 210–253.

сил, и как свободу чисто хозяйственную, осуществляемую *через* хозяйство, так называемым «развитием производительных сил». Первая достижима на пути религиозном, указуемом христианством, а также и другими религиями, например буддизмом; вторая же соответствует социалистическим обетованиям.

Буддизм учит своих последователей совершенному бесстрастию, умиранию для мира, в котором обессиливается, притупляется чувство и хозяйственной неволи. Совершенная нечувствительность к лишениям, смерть заживо, есть идеал буддийского подвижника, он презирает и пренебрегает хозяйством вместе с другими мирскими силами. Конечно, этот идеал может быть по плечу только исполинам подвижничества, но в меру его вмещения достигается свобода от хозяйственной тревоги, нужда изгоняется из сердца, хотя и сохраняет силу над телом.

Христианство указует путь совершенной свободы от хозяйственной заботы: Христос учит не заботиться о завтрашнем дне, жить, как птицы, и цвести, как полевые лилии, предоставляя себя заботе Отца Небесного. И кто силой веры и религиозного подвига способен всегда чувствовать на себе эту любовь и попечение Небесного Отца, тот становится чадом Божиим, он свободен и от хозяйственной неволи, свободен такой свободой, которая и не снилась социалистам. Для него святая бедность становится обрученной невестой, с которой он испытывает блаженство. Чтобы постигнуть это, достаточно вызвать в памяти пленительный образ Франциска Ассизского, который свою святую жизнь превратил в гимн добровольной бедности, как высшему блаженству. Эта победа над миром, рождающаяся из полноты веры в Бога и из неверия в силы мира, и даже в самую страшную из них силу голода, сопровождается чувством непрестанно совершающегося чуда любви Божией к миру, но она ведет к действительному изменению законов естества. Мы знаем, что подвизавшиеся многие годы в пустыне могли неделями и месяцами оставаться вовсе без пищи и вообще довольствоваться столь ничтожным ее количеством, какое невозможно было бы для обыкновенного человека. Это указует, что христианский путь к хозяйственной свободе ведет не через хозяйство, а как бы поверх его, через преобразование человеческой природы, ибо не хлебом одним живет человек, но всяким словом Божиим. Хозяйственный плен человека есть не первопричина, но следствие, он вызван общим изменением человека в отношении к природе, которое явилось результатом греховной порчи самого человеческого существа. В мир вошла смерть, жизнь стала смертной, отсюда и появилась гибельная зависимость человека от пищи, от стихий мира, овладение которым все равно не спасет его от ранней или поздней смерти. Плен хозяйства — это есть сила смерти, господствующая в людях; вкушая жизнь, мы вкушаем и смерть. И только Спаситель мира, Победитель смерти, дает нам пищу живота вечного Телом и Кровью Своею. Насколько герои

веры, святые подвижники, уже в нынешнем веке дышат воздухом воскресения, будущего века, для них теряют частично силу и законы этого мира, у них иная физиология. Но и каждый верующий христианин в меру своей веры должен охранять свою духовную свободу от хозяйства, не отдавать себя всего до конца хозяйственной работе, не признавая хозяйственной стихии первой и определяющей человеческую жизнь и свободу. Человек даже и в состоянии самого тяжелого хозяйственного плена может, а потому и должен чувствовать в себе сына Божия, призванного к свободе. Он не должен *духовно* ощущать себя пленником этого мира, даже и неся на себе его оковы, ибо в сердце своем, в вере своей он имеет залог иной жизни, иного закона — любви божественной. И только такую внутреннюю свободу от хозяйства, такую победу над его соблазном и должно религиозно ценить, — ее может дать себе только сам человек, но не дадут ее никакие хозяйственные реформы. «Где сокровище ваше, там и сердце ваше»[3]. Самое богатое развитие производительных сил, экономический расцвет, может сопровождаться таким порабощением человека хозяйственной стихией, таким духовным его пленением, какого не наблюдается и при крайней бедности. Вообще трудно «надеющемуся на богатство», ему отдавшему свое сердце, входить в царство небесное, подниматься к духовной свободе. Итак, пути христианской свободы и свободы в хозяйстве могут расходиться или не совпадать. Во всяком случае, хозяйственная свобода для христианской свободы не имеет решающего значения.

Однако христианство серьезно и строго относится к хозяйственным обязанностям человека. Он не должен снимать с себя всеобщей повинности труда, возложенной на него заповедью Божией. Притом мир этот есть создание Божие, Божий сад, хотя и запущенный и заросший сорными травами. Человек не наемник, чуждый природе, он призван царствовать над нею. Труд имеет незаменимое значение для человека, как средство воспитания воли, борьбы с дурными наклонностями, наконец, как возможность служения ближним. Поэтому влияние христианства в хозяйственной истории привело к тому, что оно безмерно подняло сознание достоинства труда, не признававшегося в древнем мире, а в частности и хозяйственного «производительного» труда. Недаром же христианские монастыри оказались очагами хозяйственной культуры, а аскеты усерднейшими подвижниками труда. Одним словом, можно сказать, что христианство оздоровило и укрепило хозяйственную жизнь Европы, внеся в нее новую и огромную силу — моральный авторитет труда. Насколько христианство каждому велит блюсти в себе свободу от хозяйства, не дозволяя заботе до конца овладевать сердцем, повелевая оставаться духовно свободным от хозяйства при всяком хозяйственном строе, настолько же решительно оно никому не позволяет освобождать себя от труда, под тем или иным предлогом. Труд обязателен для всех: кто не трудится, да не ест. Это христианское уважение к труду, восстановившее его авторитет, нечувствительно пере-

родилось в то превозношение труда и самопревозношение рабочего класса, которое отличает современную «демократию». Такое самопревозношение, конечно, глубоко чуждо духу христианства. Оно возникает не из понимания труда, как религиозного послушания, наложенного на нас как средство воспитания и как Долг перед природой, но из человеческого самоутверждения, которое мнит труд всесильным.

Поэтому христианство знает свободу в хозяйстве, но не обещает свободы от хозяйства и через хозяйство. Напротив, христианство видит в нем лишь одно из последствий греха, и даже нельзя желать освободить человечество в его данном состоянии от хозяйственного труда. В самом деле, лишь представим себе на минуту, что найдено действительное средство превращения камней в хлебы, т. е. не только снять всю тяготу хозяйственной заботы, но сделать природу вполне послушной желаниям человека, как это изображается в социалистических мечтаниях. Как употребил бы свой досуг, неимоверную свою свободу человек в его теперешнем состоянии? Какую пустоту и томящую скуку, какую неистовую тоску ощутили бы тогда люди! Стремление уйти от себя, «развлечь» себя приняло бы подавляющие размеры, но все более притуплялась бы чувствительность, и мрак беспросветности ложился бы на человечество, оставленное вдруг наедине со своими страстями, пороками и слабостями. Вырождение одних и отчаяние других, благороднейших, было бы неизбежным итогом этого мнимого благодеяния.

Ф.М. Достоевский в *Дневнике писателя* однажды затронул эту тему. «Если бы черти сразу показали свое могущество и задавили бы человека своими открытиями, если бы все знания так и свалились на человечество и, главное, совершенно даром, в виде подарка (как и достанутся они будущим поколениям, о которых и мечтает социализм), что бы тогда сталось с людьми? О, конечно, сперва пришли бы в восторг, люди обнимали бы друг друга в упоении: они вдруг почувствовали бы себя осыпанными счастьем, зарытыми в материальных благах, они, может быть, ходили бы или летали по воздуху, пролетали бы чрезвычайные пространства в 10 раз скорей, чем теперь по железной дороге, извлекали бы из земли баснословные урожаи, может быть, создали бы химией организмы, и голодным бы хватило по 3 фунта на человека, словом, ешь, пей и наслаждайся! Но вряд ли и на одно поколение; людей хватйло бы этих восторгов! Люди вдруг увидели бы, что жизни уже больше нет у них, нет свободы духа, нет воли и личности, что кто-то у них украл все разом; что исчез человеческий лик и настал скотский образ раба, образ скотины, с той разницей, что скотина не знает, что она скотина, а человек бы узнал, что он стал скотиной. И загнило бы человечество; люди покрылись бы язвами и стали кусать языки свои в муках, увидя, что жизнь у них взята за хлеб, за камни, обращенные в хлебы. Поняли бы люди, что нет счастья в бездействии, что погаснет мысль нетрудящихся, настанет скука и тоска...»[4]

Вот почему далеко не всякое сокращение рабочего дня, обеспечивающее не только отдых, но и досуг, является безусловным благом. Нужно не только хозяйственно, но и духовно дорасти до короткого рабочего дня, умея достойно употребить освобождающийся досуг. Иначе короткий рабочий день явится источником деморализации и духовного вырождения рабочего класса. И здесь имеет силу закон, что не *о* хлебе едином живет человек, но и о всяком слове Божием.

Тем не менее именно такая свобода от хозяйства, или некоторое сверххозяйственное состояние, составляет мечту социализма. «Развитием производительных сил», производством богатства, будет достигнута фактически неограниченная свобода человека повелевать природой. О том, как будет справляться человек с этой свободой, здесь даже не спрашивается, ибо заранее предрешено, что все порочные наклонности человека происходят от бедности и побеждаются вместе с нею, ибо вообще человек всецело зависит от хозяйства, «есть то, что он ест». Этот догмат экономического мировоззрения, со всей решительностью выраженный в марксизме, присущ в большей или меньшей степени всем социалистическим учениям. Для них не существует самостоятельного вопроса о духовном содержании этой свободы от хозяйства, они довольствуются тем, что стремятся более или менее наукообразно доказать всю неизбежность, закономерность наступления этого чуда. Ибо, конечно, можно считать только чудом подобный переворот в условиях существования человечества, которое сначала находится всецело в духовном плену от хозяйства, им во всех отношениях определяется, а затем вдруг оказывается от него совершенно свободным и независимым. Идею такого исторического чуда, точнее чудесного, сверхъестественного переворота в истории мы сыздавна встречаем в человечестве, в ней нет ровно ничего нового. С наибольшей силой она выявлена в иудейских чаяниях мессианского царства, столь распространенных среди еврейства перед пришествием Христа. В многочисленных произведениях еврейской письменности этой эпохи (носящих общее наименование «апокалипсисов») выражалось то убеждение, что приближается наступление земного царства мессии. Оно подвигается совершенно закономерно, так что эта закономерность может быть «научно» (по тогдашнему пониманию) познана и установлена. Оно, это царство, должно подготовляться революцией, но осуществлено будет чудесным явлением мессии (ему соответствует в современном социализме представление о социальной катастрофе, возникающей на известной ступени развития капитализма, при которой уже «лопается его оболочка»). В этом смысле современный социализм представляет собой возрождение древнеиудейских мессианических учений, и К. Маркс, вместе с Лассалем, суть новейшего покроя апокалиптики, провозвещающие мессианское царство. Однако есть и разница между древними и новейшими апокалиптиками, и, нужно сознаться, не в пользу последних: первые откровенно верили в чудо, —

в сверхъестественное вмешательство мессии, вторые же вводят чудесный элемент лишь замаскированно, и благодаря этому у них концы не вполне сходятся с концами. Дело в том, что современные учения об определяющей роли хозяйства в человеческой жизни обычно связываются с дарвиновским учением о борьбе за существование, как всеобщем законе жизни. В мире царит борьба, сильный истребляет слабого, этим устанавливается естественный отбор и усовершенствование видов. Так это в мире животных. В мире человеческом этому соответствует борьба классов или общественных групп, возникающих на основе хозяйственных отношений. Вся история человечества до сих пор есть, по мнению Маркса, в существе своем экономическая борьба классов. Если бы эта мысль высказывалась в столь же всеобщей и непререкаемой форме, как учение Дарвина, это было бы по крайней мере понятно и последовательно. На самом же деле оказывается, что эта борьба за существование, имеющая силу для всей прошедшей и настоящей истории, прекратит почему-то свое действие на будущую эпоху, и из волчьей стаи получится вдруг социалистическое братство. Такая отмена того, что является, по мысли социалистов, как бы непреложным законом природы, может быть признана только чудом, которого, однако, вообще вовсе не допускается сторонниками этого учения (между тем как оно открыто вводилось древними иудейскими апокалиптиками).

III
ОГРАНИЧЕННОСТЬ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ МЕЧТАНИЙ

Но допустим, что социалистические мечтания о сверххозяйственном «государстве будущего» имеют достаточные научные основания (чего мы на самом деле вовсе не думаем). Все-таки нельзя не признать этого идеала бескрылым, рабским и ограниченным, хотя социализм и гордится обычно своей революционностью и радикализмом. Это становится особо ясно при сопоставлении с христианской верой. Христианское обетование открывает верующим, что в жизни будущего века, которая наступит после всеобщего воскресения и суда, будет новое небо и новая земля, где правда живет. Вся тварь обновится, и для воскресшего человечества, единого во Христе, будет восстановлено изначальное, эдемское отношение к миру, как саду Божию. Преграда и средостение, стоящие нынче между человеком и природой, утеряют свою силу. Всеобщее воскресение есть и всеобщий космический переворот. Человечество, действительно, воцарится в природе. Правда, эта невозможно для человека в теперешнем его состоянии, в пределах истории, ибо может явиться лишь чудом всемогущества и премудрости Божией. Их место в социалистических построениях занимают

мертвые силы хозяйства, развитие «экономического базиса»: в его силу, в его мудрость и всемогущество предлагается здесь верить в качестве Промысла Божьего. Даже и не разделяющий христианской веры должен будет признать, что только в ней дается утоление сердцу, полный ответ на все запросы любви, звучит голос человеческого достоинства. Но что мы находим в социализме? Прежде всего, относительно природы здесь мы имеем только идеал расширенной фабрики, благоустроенного города и сельского поместья. Преобразование жизни не распространяется на общее отношение человека к природе, которое остается прежним и неизменным; оно ограничивается хозяйственными нуждами человека. Отношение же его к природе остается столь же корыстным и нелюбовным, предпринимательским, как и теперь, отчуждение от матери-земли, которую так умели чувствовать народы и научали чтить многие религии, – здесь как бы увековечивается. Отношение к природе в социализме только хозяйственно, а потому и корыстно, ограничено данными потребностями. Фурье[5] был единственным из новых социалистов, который связывал свои социалистические мечтания с весьма широкими и смелыми (хотя и фантастическими, но в сущности не безынтересными) построениями мирового, космологического характера, но за это он и признается в истории социализма слегка полоумным, а учение его ненаучным («утопическим»).

<…>

IV
СОЦИАЛИЗМ И ГУМАНИЗМ

Христианство учит, что человеческое естество повреждено грехом. Природа человека больна, и эта болезнь проходит через всю его жизнь, отравляет все ее проявления. Лишь неусыпной бдительностью, неослабевающим самоконтролем способен человек преодолевать свою природу, возводить себя к естественному своему совершенству, выявлять свой идеал. Поэтому человеку надо вести безостановочную борьбу с самим собой, с греховным своим естеством. Он не должен безотчетно отдаваться своим естественным стремлениям только потому, что они у него явились. Напротив, он всегда должен поверять себя по высшему идеалу жизни, который дается христианской религией, евангельским учением и, прежде всего, образом Христа. Это не значит, что человек должен непременно уничтожать и отсекать все творческие свои порывы, потребности и стремления, из которых развивается деятельность культурная, хозяйственная, государственная. Это значит лишь, что все эти многообразные области деятельности человеческой подлежат суду и контролю религиозной совести, и каждая

из них может служить источником соблазна для человека, угрожать пленом и гибелью для его души. Для христианства возможно признать и допустить не самодовлеющую, но аскетически контролируемую культуру. Этот контроль, конечно, должен быть не внешний, а внутренний. Он не только не противоречит свободе человека и не связывает его творческого духа, но даже, напротив, расправляет надлежащим образом духовные крылья, ибо только при таком самообладании и существует эта свобода. Этот же идеал аскетической культуры, духовно связанной единством высшей цели, предносился и Платону, когда он рисовал царство философов в своей «Республике»[7]. Этим аскетическим духом проникнута и вообще всякая религиозная культура, даже и вне христианства, и не только иудейская, но и египетская, эллинская, римская, конечно, каждая по-своему, в соответствии своей природе. Аскетизм вообще опирается на известное недоверие к человеческой природе, точнее, к данному ее состоянию. Он не преклоняется перед голой данностью, силой факта, не принимает того или иного стремления только потому, что оно существует и способно удовлетворить какую-нибудь наличную потребность, быть может, и не заслуживающую удовлетворения, нуждающуюся скорее в подавлении.

В противоположность этому религиозно-аскетическому самоощущению человека, начиная примерно с XV века и до наших дней, выдвигается новое миропонимание, которое зовется в истории гуманистическим[8]. Из этого мироощущения родилась и новая европейская культура. Здесь провозглашается полное доверие к человеческой природе в ее данном состоянии. Человеку присущи естественное здоровье, гармония и совершенство. Он все, что ему нужно, может найти в себе и своими силами. Он не нуждается в сверхъестественной помощи, ибо имеет в своей природе все. Вообще нет ничего выше человека, притом не в идеальном его первообразе, но именно в его теперешнем состоянии. Правда, ему многого, бесконечно многого надо достигнуть еще на историческом пути, но он это и сделает своими силами, без всякой помощи. Он не нуждается в божественной благодати или чуде и даже не хочет его, ибо он сам по себе есть бог, хотя и еще только становящийся. Поэтому все упования человека, все его внимание переносится здесь на те достижения, которые совершены и могут еще совершиться в поступательном движении истории или в так называемом прогрессе. Прогресс и есть настоящее божество для религии человекобожия. В прогрессе разрешены будут все противоречия жизни и устранена всякая ее дисгармония.

В числе других частных выводов гуманистического мировоззрения одним из важнейших практических его приложений является и социализм, который есть поэтому духовное порождение эпохи Возрождения. В настоящее время социализм представляет собой, можно сказать, влиятельнейшую разновидность гуманизма, заслоняющую собой остальные. Социали-

стическое учение о человеке, без различия оттенков, имеет в основе своей веру в беспредельную способность человеческой природы к совершенствованию, если только она поставлена в соответствующие условия. Мысль о грехе, о силе греха, о греховной порче, о губительной стихии страстей, о трагических противоречиях человеческой природы далека социалистическим верованиям. Их представление о человеке вообще бедно и поверхностно. Для большинства этих учений человеческая природа есть просто tabula rasa[9], чистая доска, на которой пишет то или другое содержание социальная среда. Более вдумчивые и сознательные из них останавливаются на вопросе о человеческой природе и отвечают на него иногда в таком смысле, что, хотя отдельные индивиды ограничены и имеют недостатки, но для всего человеческого рода последние сглаживаются, плюсы погашают минусы, и целому роду во всяком случае принадлежит совершенство (Фейербах). Еще более радикальную постановку этого же вопроса мы находим у Ш. Фурье[10], единственного из социалистов, у которого нашлось достаточно глубокомыслия, чтобы поставить коренным образом вопрос о природе человеческих страстей. Он решается в этом интересном (и недостаточно еще оцененном) учении с безграничным оптимизмом. По мнению Фурье, страсти суть благие силы, вложенные Творцом в человека. Они приносят зло лишь потому, что находятся в дисгармоническом положении, люди не умеют владеть их силой. Для этого надо их научно познать и соответственным образом сочетать так, чтобы для каждой склонности нашлось свое полезное употребление. Это возможно, если взять достаточно обширные общины, в которых бы находилось место для применения разных склонностей и разных страстей. Порочных же или греховных наклонностей и вообще не существует. Страсти имеют себе параллели и соответствия в силах природы, звуках, цветах, а также в других мирах. Поэтому возможность естественной гармонии дана уже в природном строе этого мира, и социализм призван только выявить эту возможность. Хотя большинство социалистов обычно относятся к учению Фурье как бы несколько конфузливо ввиду его странностей, однако мы здесь имеем самую глубокомысленную, даже единственную попытку социалистической антропологии. Обычно же вопросы антропологии совершенно и без остатка растворяются в социологии, вопрос о человеке подменивается вопросом о природе и строении общества. Человечество рассматривается как состоящее не из отдельных личностей, из которых каждая есть свой особый мир, но из общественных групп, которые определяются своим местом в строении целого. Этот социологизм отличает все же наиболее влиятельные социалистические учения XIX века. Вместо личности возникает представление о безличной социальной *среде,* которая существует *над* личностями и их собой определяет. В разных учениях подставляются только различные понятия в эту общую форму: для Р. Оуэна[11] началом, определяющим чело-

веческий характер, является общественная среда, для К. Маркса и его последователей — класс и отношение классов.

Поразительна при этом противоречивость социализма. С одной стороны, здесь поддерживается общегуманистическая вера в человека, на которую опирается вера в прогресс и в его радужные дали, а с другой — в социализме совершенно упраздняется человеческая личность, которую так умело ценить и лелеять раннее, творческое Возрождение: вместо нее ставится всеопределяющая социальная среда. Всякие творческие порывы, исходящие от личости, гасятся в этих безличных сумерках социологизма. Отсюда рождается и дальнейшее, также неисходное противоречие социализма. Он преисполнен убеждения, что прогресс совершается социологически закономерно, причем, конечно, законы эти имеют силу и над отдельными лицами. В то же время практически всякое движение в истории совершается через личности, ибо только личности принадлежит действенность. Призывая к реформе, к революции, социализм принужден обращаться к личностям, призывать их как бы к ослушанию социальных законов, к тому, чтобы перерасти данную социальную среду, возвыситься над ее всесилием. Согласно учению социологизма, обществом правит железная необходимость, и она руководит и человеческими желаниями и поступками. Напротив, согласно практической морали социализма, личность своим усилием должна стремиться к тому, чтобы порвать эту цепь силою своей личной мощи, своей свободы. При всеобщей вере в прогресс остается безответным вопрос, кто же является здесь зачинателем, носителем этого прогресса? Откуда найдется у него для этого сила? Если дан мир негодяев, то откуда же возьмется добродетель для его преобразования? Эта несообразность особенно очевидна была в учении Р. Оуэна, который теоретически исповедовал полную безответственность человека ввиду того, что характер всецело определяется общественной средой, но в то же время своим собственным примером и деятельным духом своего учения призывал к ответственной, творческой работе, к личному почину. Тем же самым противоречием раздирается и марксизм, который мнит, что он предсказывает будущий социализм как лунное затмение, а в то же время для достижения этого лунного затмения хочет основывать партию (Штаммлер)[12]. Вообще социализм изнемогает от своего бессилия сочетать учение о закономерности общественного развития, свой социологизм, с своим же собственным деятельным характером, революционизмом. Он оказывается безответен перед основным вопросом, что же такое человек, какова природа человеческой личности, человеческого общества? Каковы его задачи, цели, достижения? К чему ведет «прогресс»? В чем смысл истории?

V
МЕЩАНСТВО (« БУРЖУАЗНОСТЬ») СОЦИАЛИЗМА

И с этой духовной немощью и пустотою современного социалистического движения находится в связи основная его черта: его глубокое мещанство — «буржуазность». Да, не имея в своем лексиконе более уничижительного слова, чем «буржуазия», сам социализм духовно пропитан этим самым мещанством; он отравлен духом тех самых «буржуев», которым он завидует и ненавидит. Это давно уже было подмечено наблюдательными умами. Известно, что вопли о мещанстве европейского социализма вырывались еще у А.И. Герцена[13] , для которого весь европейский мир представлялся расколовшимся на два стана: буржуа имущих и боящихся за свое достояние и буржуа неимущих, но завидующих чужому достоянию. Герцен противопоставлял западному социализму наш, русский. Но что он мог бы сказать в наши дни, когда русский рабочий класс проявил такие аппетиты, такой классовый эгоизм, что вполне заслужил название социалистических «буржуев» или мещанских социалистов. Можно различно определять мещанство. Вернее всего, оно может быть понято через противопоставление религиозному мироощущению, для которого руководящими являются не личные и не здешние, потусторонние ценности из царства не от мира сего, между тем как для мещанства все исчерпывается интересами и успехами этого мира. Мещанство есть духовная опасность, которая всегда подстерегает всякую душу на пути ее религиозной жизни, оно есть болезнь духа, его расслабление и отяжеление. В социализме же мещанство приобретает, можно сказать, воинствующий характер. Здесь борьба за свои экономические интересы, личные и классовые, проповедуется как основное, руководящее начало жизни. Удивительно ли, что когда социализм показывает свое подлинное лицо, как теперь в России, где все обезумели в какой-то оргии хищничества, то это лицо выглядит мещанским до отвратительности, в нем обнажаются самые низкие, животные инстинкты человеческой природы. Таков духовный лик и современного русского социализма, этого «социал-буржуйства». Своей проповедью мещанства социализм обедняет, опустошает душу народную. Он сам с ног до головы пропитан ядом того самого капитализма, с которым борется духовно, он есть капитализм навыворот. Он может организовать массы для достижения элементарных целей на почве экономической борьбы, но при этом незаметно принижает их духовно. Вот почему социализм обычно враждебен религии, как и всякому духовному, не мещанскому подъему, враждебен искусству, вообще истинной культуре. Он мертвит своим дыханием народную душу. Поэтому-то социализм так легко вульгаризуется, т. е. разменивается на самую мелкую ходячую монету, сливается и отожествляется с самыми простыми и житейскими требованиями. Мне ответил когда-то в Германии один трактир-

щик, который и сам был социал-демократом, на вопрос, чего, но его мнению, хотят социалисты: Sie wiin-schen mehr zu verdienen (они хотят побольше получать). В этом простодушном ответе, в этом примитивном понимании заключается больше правды, чем это кажется. Такое же истолкование социализма дается в настоящее время и русской жизнью. В России за два-три месяца вдруг победил социализм, и впервые мир увидел даже социалистическое правительство (которому, однако, силою вещей не только не приходится осуществлять социалистический переворот, как это полагалось бы по социалистическому катехизису, но оказывается необходимым вводить меры обуздания и борьбы со своеволием и разложением вплоть до восстановления смертной казни). Если бы я чувствовал для себя дорогими идеалы социализма и придавал им то всемирно-историческое и мировое значение, какое придают им социалисты, я был бы глубоко потрясен и угнетен этою, можно сказать, идиотизациею социализма, какую мы сейчас наблюдаем в России. Эта победа социалистического блока на выборах по городам, это повальное раболепство перед социализмом, перед лицом таких фактов, как мародерство в тылу, к каковому следует, бесспорно, относить и безмерные притязания зарвавшихся «товарищей» — «социал-буржуев», наряду с трусливым бегством «революционной» и, конечно, тоже социалистической армии на фронте, о чем все это говорит? Вот в каком смысле по плечу оказываются массам упрощенные, мещанские лозунги социализма. И если мировая война и фактическое упразднение Интернационала нанесли тяжелый удар *идейному* социализму, то не менее тяжелый наносит теперешняя его идиотизация и варваризация в России.

VI
ПРАВДА СОЦИАЛИЗМА

Однако, нападая на социализм за его мещанские черты, которые все-таки находят себе и значительное оправдание в бедности и обездоленности представителей труда в нашем обществе, мы менее всего можем тем самым брать на себя защиту капитализма, отравившего своим ядом и социализм. Яд же этот состоит в том откровенно и цинично провозглашаемом убеждении, что в своей хозяйственной деятельности (так же, впрочем, как и в других областях) человек может руководиться только стихийными своими побуждениями или хозяйственным эгоизмом, на котором и основана хозяйственная жизнь в наши дни. Капитализм есть организованный эгоизм, который сознательно и принципиально отрицает подчиненность хозяйства высшим началам нравственности и религии, он есть служение маммоне, маммонизм, по выражению Т. Карлейля[14]. Никогда еще в истории не проповедовалось и не проводилось в жизнь такое безбожное, беспринципное служение золотому тельцу, низкая похоть и корысть, как ныне,

и хотя мир не видал еще такой хозяйственной мощи, но к чему же она теперь привела? К мировому пожару, к капиталистической войне всех против всех! Если по духовной природе своей капитализм в значительной мере является идолопоклонством, то по своему общественному значению для социальной жизни он покрыт преступлениями, и история капитала есть печальная, жуткая повесть о человеческой бессердечности и себялюбии. Одним словом, мы должны, не обинуясь, сказать, что социализм *прав* в своей критике капитализма, и в этом смысле надо прямо и решительно признать всю правду социализма. Если он грешит, то, конечно, не тем, что он отрицает капитализм, а тем, что он отрицает его недостаточно радикально, сам духовно пребывая еще в капитализме. Социальная наука раскрыла и раскрывает многочисленные бедствия, причиняемые капитализмом, и она же вырабатывает средства для борьбы с этими бедствиями. Голос науки и совести сходятся в том, что капиталистическое хозяйство ради общего блага должно быть преобразованным в направлении растущего общественного контроля или в направлении социализма, и в этом смысле давно уже сказал один английский общественный деятель, что «мы все теперь социалисты»[15]. Различие относится к пониманию практических вопросов о том, в каком темпе должно совершаться такое преобразование. Здесь слово принадлежит науке, социальной медицине, и должен вестись разговор на почве определенных фактов и практических вопросов.

Однако можно признавать правду социализма как отрицание неправды капитализма, – и здесь его воодушевляют, несомненно, высокие чувства святого гнева, ревность к справедливости, сострадание к меньшей братии, – но наряду с этим видеть и его ограниченность и неправду, которая есть тонкое или грубое воспроизведение ограниченности и неправды капитализма. Социализм верит вместе с капитализмом, что человеческое общество построяется только на экономическом интересе, известным образом регулированном, и что иных сил не существует. Социализм разделяет с капитализмом его неверие в духовную природу человека, и это несмотря на то, что он же предрекает для него такое радужное будущее. Для социализма общественное преобразование исчерпывается внешней, прежде всего экономической реформой, и он без всякого внимания проходит мимо того, что совершается в человеческом сердце. Социализм интересуется человеком одновременно и слишком много и слишком мало, сулит ему земной рай и, однако, его не уважает, не признавая в нем нравственную личность. Прав был Вл. Соловьев, говоривший, что социализм дает человеку не слишком много, но слишком мало. Уже на самых первых шагах, социализма, еще в XVI веке в загадочной «Утопии» Т. Мора[17], не то шутя, не то серьезно выражено убеждение, сделавшееся общим для всего социализма, что достаточно отмены частной собственности для полной победы над порочными наклонностями в человеке. И чем дальше, тем эта

мысль звучит настойчивее. Ради возвеличения человека в будущем за ним отвергается духовная самобытность и нравственная ответственность в настоящем. Для социализма человек есть денежный мешок, пустой или наполненный, так же, как и для капитализма. И эти мещанские, материалистические основы современного социализма делают его учением духовно мертвящим, лишают его поэзии и очарования, наполняя жизнь рассудочностью и прозаичностью. На нем лежит отпечаток вульгарности, низменности и бескрылости, и это, конечно, связано с отсутствием в нем истинной религиозности, которая заменяется извращенным грубым идолопоклонством, где идолом является толпа, – «демократия», понимаемая как экономический союз.

<…>

VIII
ДЕЙСТВИТЕЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ СОЦИАЛИЗМА

Итак, христианству не только нет никаких причин бояться социализма, но и есть полное основание принимать его в качестве благодетельной общественной реформы, направленной к борьбе с общественным злом, насколько эти меры не сопровождаются грубым насилием и сообразны с здравым смыслом. Но христианство совершенно отвергает все самообольщение социализма, ослепленного своими чаяниями. В глазах христианства самый радикальный социализм не содержит в себе ровно ничего радикального в том смысле, что он бессилен внести действительно существенное преобразование жизни. Перед лицом порчи и зла, коренящегося в человеческой природе, а через нее сообщающегося и всему миру, социализм есть только паллиатив. Он не затрагивает конечных причин человеческих страданий, в этом смысле он принадлежит вообще области *срединности,* которую лишь по духовной слепоте своей он принимает за нечто предельное и радикальное. Как медицина в состоянии бороться с болезнями и в отдельных случаях их побеждать, однако совершенно бессильна победить самую болезненность, источник болезни и смерти, так и социализм борется успешно или малоуспешно с частными причинами бедности и насилия, не будучи в силах их совершенно исторгнуть. По своему паллиативному характеру социализм не имеет значения радикальной жизненной реформы, он есть *благотворительность,* одна из ее форм, указываемых современной жизнью, – и только всего. Торжество социализма в жизнь не вносило бы *ничего существенного.* Так же будут страдать и умирать люди, любить и ненавидеть, завидовать и тщеславиться, предаваться тем же страстям и порокам, что и теперь, хоть и на иной манер, и так же духовная высота будет достигаться только личным подвигом, усилием восхождения. Надо так слепо верить во всесилие экономической среды над челове-

ком, как социалисты, чтобы допускать, что с изменением ее изменится и человеческая природа. Человек вовсе не есть такая кукла или механизм, заводимый хозяйственной средой. Социализм обидно думает о человеке в этом своем оптимизме. Если даже допустить, что прекратятся страдания от голода и будет совершенно побеждена нужда (чего, впрочем, нельзя ожидать в полной мере), то тем чувствительнее станут нравственные страдания, уколы самолюбия, раны любви, сомнения и, наконец, ужас скуки и тоски от праздности, от досуга, с которым так мало люди умеют справиться достойно. Посмотрите теперь на жизнь обеспеченных и богатых классов, на которых не лежит гнет нужды и заботы: как далека она от социалистических представлений. Пессимизм Гартмана, согласно которому человечество стремится к окончательному разочарованию и всеобщему самоубийству, имеет, во всяком случае, столь же много или столь же мало оснований, как и социалистический оптимизм с его детским неведением зла в человеке и с полным непониманием человеческой природы. Христианство одинаково далеко, конечно, и от этого оптимизма, и от этого пессимизма: оно видит в истории выявление и углубление борьбы добрых и злых начал, их трагическое противоборство, которое становится все напряженнее и перед концом мира, в конце истории, достигает наибольшей остроты. И социализм есть только одна из исторических ступеней на этом пути, исторический эпизод, – не более.

Впрочем, христианство не только не верит в то, чтобы страдание в человеке могло быть побеждено социализмом, но и не видит в том ничего желательного, ничего идеального. Напротив, это было бы духовным падением для человека, принижением его существа. Ибо не для счастья рожден человек, и не к счастью должен он стремиться, но к духовному росту, который совершается лишь ценою борьбы, страданий, испытаний. Не счастье, но блаженство, духовная радость, не сонное благополучие, но горение и парение духа способны насытить душу человека. Современный гуманизм, так называемая *гуманность,* считает злом всякое страдание и хочет освободить от него человека, – задача столь же неисполнимая, сколь и неверная. Есть, действительно, страдания унижающие, притупляющие человека, но таковым же может явиться и благополучие, то самое «мещанское счастье», которое сулит, вместе со здоровым пищеварением, будущему человечеству социализм. И, конечно, если бы такое мещанское счастье сделалось всеобщим достоянием, человечество задохнулось бы от пошлости этого самодовольного благополучия, мир постигла бы своеобразная социалистическая варваризация, предвкушение которой мы имеем уже и сейчас, и тогда немногим, уцелевшим духовно, осталось бы прятаться в подземелье от этой атмосферы социалистического мещанства.

А мы, мудрецы и поэты,
Хранители тайны и веры,
Унесем зажженные светы
В катакомбы, пустыни, пещеры.
(В. Брюсов)[24]

КОММЕНТАРИИ

[3] Евангелие от Матфея, 6, 2; от Луки, 12, 34.

[4] У Булгакова есть неточности. См.: *Достоевский, Ф.М.* Полн. собр. соч. – Т. 22. – Л., 1983. – С. 33–34.

[5] Фурье Франсуа Мари Шарль (1772–1837) – французский социалист-утопист. Полагал, что Бог управляет всем и всеми притяжением, а не принуждением. «Теория притяжения и отталкивания по страс ти» во всем соответствует законам притяжения материального, открытым Ньютоном и Лейбницем (*Фурье, Шарль*. Избр. соч. – Т. I. – М.; Л., 1951. – С. 106). Необходимо создать «новую точную науку» с математической теорией страстей человека и животных. Законы социального движения есть иероглифы законов других видов движений. Например, «группа звезд Млечного пути представляет свойства честолюбия», а «группа планет солнечной системы представляет свойства любви» (Там же. – С. 136, 137).

[7] См.: Платон. Соч.: В 3 т. – Т. 3. – М., 1971.

[8] Ср.: *Флоренский, П.А.* Итоги // Эстетические ценности в системе культуры. – М., 1986.

[9] Чистая доска *(лат.)* – философский термин, обозначающий сознание ребенка до того, как начали действовать его органы чувств.

[10] Фурье полагал, что Бог, наделив человека страстями, сделал благое дело: «Выходит, что наши страсти, столь уничиженные философами, выполняют первую после Бога роль в движении Вселенной: они представляют собой то, что есть самого благородного после него, поскольку ему угодно было, чтобы весь мир был упорядочен по образу действий, которые они производят в социальном движении». (*Фурье, Шарль*. Избр. соч. – Т. I. – С. 137.) «Притяжение по страсти» есть «побудительная сила, данная природой раньше способности рассуждать и упорная, несмотря на противодействие разума, долга, предрассудка и пр.» (Там же. – Т. 3. – С. 113). Вне «серий» – объединений по труду или по страсти – страсти есть сорвавшиеся с цепи тигры. Пыл страстей, борьбу союзов следует не угашать, а направлять на путь трудового соперничества, которое способно поднять уровень производства.

[11] Оуэн Роберт (1771 — 1858) — английский социалист-утопист.

[12] «Если научно предусмотрено, что известное событие в совершенно определенной форме необходимо должно наступить, бессмысленно в таком случае еще и желать или содействовать *именно этой определенной форме* этого известного события. Нельзя основать партию, которая поставит себе целью «сознательно содействовать» наступлению точно вычисленного затмения луны». (*Штаммлер, Рудольф.* Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории / Пер. со 2-го нем. изд. под ред. и с вступ. статьей И.А. Давыдова. – Т. 2. – СПб., 1907. – С. 97.)

[13] См. об этом статью А.И. Герцена «С того берега». (Герцен, А.И. Собр. соч.: В 30 т. – Т. 6. – М., 1955.)

[14] См.: *Карлейль, Томас.* Теперь и прежде / Пер. с англ. Н. Горбова. – М., 1906. – Указатель.

[15] Кому принадлежит это высказывание, установить не удалось.

«...социализм, если бы даже осуществились все его утопии, не мог бы дать никакого удовлетворения существенным требованиям человеческой воли — требованиям нравственного покоя и блаженства...» (Соловьев, В.С. Соч.: В 2 т. – Т. 2. – М., 1988. – С. 167.)

[17] «Поэтому я твердо убежден в том, что распределение средств равномерным и справедливым способом и благополучие в ходе людских дел возможны только с совершенным уничтожением частной собственности; но если она останется, то и у наибольшей и наилучшей части человечества навсегда останется горькое и неизбежное бремя скорбей». (*Мор, Томас.* Утопия // Утопический роман XVI–XVII веков. – М., 1971. – С. 74.)

[24] Из стихотворения В.Я. Брюсова «Грядущие гунны» (1904–1905). У Булгакова имеются неточности.

© Жовтун Д.Т., составитель, 2010